

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.172

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@mail.ru

В статье рассмотрены основные научные подходы правоведов к нравственным принципам, заложенным в Конституции Российской Федерации, и предложена политологическая версия анализа форс-мажорных условий ее принятия и фактов правоприменения на основе принципа политической целесообразности во взаимосвязи с нравственным кризисом современного российского общества.

Ключевые слова: политическая целесообразность, нравственные основы Конституции РФ, нравственный кризис, нравственные ориентиры, нравственные идеалы, образ будущего, мотивация политического поведения.

Political Expediency and Moral Bases of Constitution of the Russian Federation

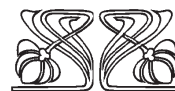
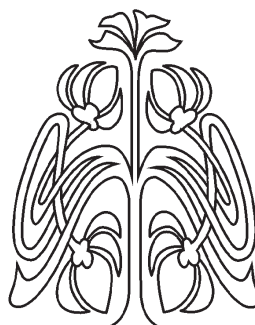
A. A. Vilkov

Main juristic approaches to moral principles of the Constitution of the Russian Federation are considered in this article. The author offers political version of analysis of force majeure conditions the Constitution was adopted in as well as the facts of its usage on the basis of political expediency in the context of moral crisis of contemporary Russian society.

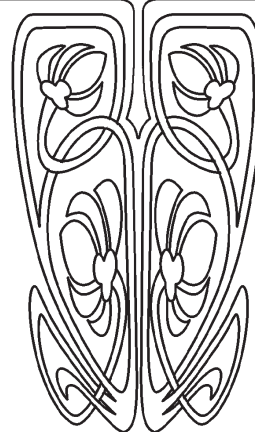
Key words: political expediency, moral bases of the Constitution of the Russian Federation, moral crisis, moral benchmarks, ethical landmarks, image of the future, motivation of political behavior.

Современная российская Конституция была принята в очень сложных условиях политического, социально-экономического и духовного кризиса. Страна в начале 1990-х гг. была расколота по самым разным основаниям: от идеологического, социального, этноконфессионального и до регионального. Напряженность социально-политической ситуации осложнялась резким конфликтом внутри правящего класса, который институционально был выражен в противостоянии Президента РФ, Конституционного суда РФ и Верховного Совета РФ. Оно завершилось расстрелом последнего и последовавшей формальной легитимацией победы Б. Н. Ельцина и его сторонников в ходе выборов двух палат нового российского парламента и в результате одновременного референдума по принятию новой Конституции Российской Федерации.

Политико-правовые последствия ее принятия исследованы юристами и политологами за прошедшие два десятилетия до мельчайших деталей¹. Несмотря на различные оценки и противоположные мнения в характеристиках ее отдельных норм, структурной сбалансированности, внутренней противоречивости и т. д., важнейшее значение имеет неоспоримый факт – действующая Конституция РФ позволила избежать повторения масштабных политических кризисов, грозящих гражданской войной, и создала нормативные предпосылки для функционирования механизма сдержек и противовесов и институционального регулирования конфликтов между ветвями власти в современной России.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Однако недостаточно исследованной оказалась взаимосвязь конституционных норм, которые законодательно закрепляли вектор развития страны в этот период, с эволюцией морального состояния российского общества, без которой невозможно объективно оценить степень социальной прогрессивности преобразований, проведенных в постсоветской России. Понятно, что морально-нравственные характеристики общества определяются не только нормами Конституции, но и многими другими факторами: социально-экономическими параметрами, системой политической социализации и духовно-нравственного и патриотического воспитания, функциональностью СМИ, демографической ситуацией и т. д. Переход от советской системы (где морально-нравственные нормы предписывались не только Конституцией, но подкреплялись всеобъемлющей и всеохватной системой политической социализации и идеологического воспитания) к плюрализму идеологий и полной свободе СМИ привел к перманентному морально-нравственному кризису российского общества, который не был разрешен принятием Конституции РФ в 1993 г. и не закончился в период стабилизации социально-экономической ситуации в 2000-е гг.

Либералы-реформаторы попытались обосновать замену советских нравственных ориентиров идеалами свободы, гуманизма, толерантности и других индивидуалистических либеральных ценностей, но не смогли предложить ничего системно завершенного и работоспособного. Обусловлено это было не только их стремлением максимально порвать с наследием коммунистической идеологии (которая инкорпорировала в себя и интерпретировала многие традиционалистские вечные ценности, в том числе и религиозные заповеди), но и разочарованием большинства населения в социально-экономических преобразованиях, проведенных под либеральными лозунгами.

Этот нравственный кризис не закончился до сих пор и являет собой одно из самых страшных последствий радикальных преобразований последних десятилетий, ставящих под сомнение их социальную прогрессивность и перспективность.

Конечно, современная ситуация отличается от периода «вседозволенности» 1990-х гг., когда, по выражению певца И. Талькова, «все что было аморально, стало не аморально»; когда публично высшие официальные лица призывали нас не считать деньги в чужом кармане и не интересоваться источниками их происхождения; когда одна из древнейших (но не почтенных во все времена) профессий получила социально значимый статус «путаны»; когда рабочие и крестьяне, напротив, получили презрительный статус «совки»; и т. д. Но и сегодня, оправданные с позиций социальной справедливости вопросы о том, как чиновнику с достаточно скромной зарплатой удастся построить многомиллионный особняк в престижном районе и ездить на самом дорогом лимузине,

повисают в воздухе. Их не задают прокуратора и следственный комитет, а если и задают, то удовлетворяются ответом, что особняк и автомобиль принадлежат папе-пенсионеру, или гражданской жене, или сыну и т. д., которые заработали их «непосильным трудом» в ходе занятий коммерческой или иной прибыльной деятельностью.

Взаимосвязь системообразующей роли российской Конституции с нравственным состоянием российского общества не столь очевидна, как с политическим состоянием. Политико-правовое значение принятия Конституции РФ многократно и всесторонне проанализировано политологами и юристами, но ее противоречивое воздействие на морально-психологические характеристики российского населения рассматривается реже и менее системно². Обусловлено это тем, что, в отличие от традиционных обществ (в которых проблемы социальной справедливости, морали, права и политики были неразрывными элементами единого религиозного мировоззрения), модернизирующееся общество основывается на дифференциации религии, политики, морали и права: «Для общества современного типа характерна большая степень рационализации и дифференциации ценностных сфер, их разделение, в результате которого каждая из них начинает существовать в соответствии со своей логикой, критериями, оценками»³. Поэтому в большинстве имеющихся работ данная проблема рассматривается в более широком контексте моральных оснований функционирования права и в рамках отраслевого законодательства⁴.

В философии права, в рамках которой рассматриваются фундаментальные вопросы об этико-правовых основаниях справедливого общественного устройства, акцент делается на универсализме общечеловеческих ценностей и моральных принципов. Среди юристов имеет место дискуссия о возможностях, пределах и ограничениях воздействия моральных норм и принципов на нормы права и правоприменительную практику. С одной стороны, это максимально широкая трактовка и позиция, официально представленная Конституционным судом в целом ряде своих решений и в публикациях судей КС. Суть ее сводится к тому, что нравственные принципы (например социальной справедливости и общего блага) носят универсальный характер, определяют содержание конституционных норм и, соответственно, носят общеобязательный характер. Данный универсализм и нужно, прежде всего, иметь в виду судьям КС при рассмотрении разнообразных конфликтных политико-правовых ситуаций.

Но, «требования, которые предъявляет право, – по мнению Ю. М. Батурина, – всегда имеют строго определенные границы, доступные всем <...> В противоположность этому требования нравственности беспредельны. Здесь каждый достигнутый уровень служит лишь ступенью дальнейшего совершенствования и точкой отсчета

новых требований»⁵. В этой связи В. В. Лапаева утверждает, что Конституционный суд «без достаточно ясных правовых критериев решает, соразмерны ли ограничения того или иного права соответствующим конституционным ценностям и сохраняется ли при этом существо и реальное содержание права»⁶. По ее мнению, «критерии правомерности ограничения прав человека должны не привноситься судом из собственной практики или практики европейского правосудия, а выводиться из текста Конституции РФ»⁷.

Думается, данная дискуссия представляет собой не схоластический спор о том, что первично: «яйцо, или курица», правовые максимы или нравственные, а отражение различных методологических позиций в понимании инструментальной функциональности конституционных норм. Одна позиция обуславливает разрешать правовые коллизии только на основе текста Конституции РФ, исходя из ее норм в максимально абстрагированном виде; а другая – с учетом конкретных политико-правовых обстоятельств появления данной коллизии и их толкования с точки зрения конституционно закрепленных нравственных ценностей. Но и в той и в другой позиции есть определенный методологический изъян, позволяющий делать конституционные нормы определенным политическим инструментом для заинтересованных субъектов социально-политических отношений. В рамках первой позиции правовые максимы в содержании Конституции РФ становятся доминирующими по отношению к нравственным максимам и могут выхолостить их содержание своим максимальным формализмом и абстрагированием от реальной жизни и постоянно меняющихся условий применения права. Вторая позиция, внешне более социально справедливая и динамичная, создает предпосылки для усиления роли прецедентного права. О его сильных и слабых сторонах пусть судят правоведа, но для политолога важно обратить внимание на возможные негативные последствия произвольного использования самого принципа конъюнктурной целесообразности при трактовке тех или иных норм права в определенных кризисных социально-политических и социально-экономических условиях. Поэтому, как представляется, очень важно обеспечить соблюдение баланса между незыблемостью конституционных норм и их нравственным содержанием, отражающим представления большинства населения о социальной справедливости и социальном прогрессе.

В исследованиях современных юристов непосредственно по данной проблематике акцент делается на нравственности как самостоятельной ценности в системе других конституционных ценностей. Например, Ш. Р. Магадов констатирует: «Нравственность как конституционная ценность имеет положительную значимость для формирования баланса интересов человека, общества и государства и выполняет ключевую роль в закре-

плении и расширении других конституционных ценностей. Это выражается в двух основных формах влияния: во-первых, нормы нравственности непосредственно закрепляются в конституциях, приобретая характер конституционных положений (приверженность любви, терпимости, добродетели; осознание чувства совести и ответственности перед людьми и др.); во-вторых, нравственные идеи и понятия трансформируются в правовые нормы и становятся составной частью, основой содержания конституционных норм, получая выражение в виде принципов, прав, свобод и обязанностей человека (уважение прав и свобод, принципы равноправия, справедливости и толерантности, право на достоинство и доброе имя, право на жизнь, право на свободу, право на мир, обязанность беречь природу, обязанность защищать Отечество и т. д.)»⁸.

По сути, представленная в исследовании Ш. Р. Магадова (и подобных ему юридических и философско-правовых работах⁹) проблема нравственности рассматривается с точки зрения самодостаточной внутренней логики Конституции как главного закона страны, определяющего нормативное регулирование всех сфер жизни общества. В рамках данного подхода понятно стремление авторов сконцентрировать внимание на полноте и непротиворечивости статей Конституции РФ и абстрагироваться от тех расхождений, которые есть между конституционными нормами, раскрывающими нравственное содержание принципов функционирования российского общества, и реальными взаимоотношениями, например между властью и гражданами. Тем самым право остается вне реальной критики с точки зрения анализа внутренней причинности плохого правоприменения.

Логика автора очень конкретна: Конституция РФ содержит основные нравственные принципы и ориентиры, а чтобы они стали еще совершеннее и добиться их полноценного действия, нужно включить в ст. 55 Конституции РФ следующее дополнение: «Основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обороноспособность страны и безопасность государства обеспечиваются соответствующей юридической ответственностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений, устанавливаемой в федеральных законах за нарушение данных конституционных ценностей»¹⁰. Для того чтобы эта норма заработала нужно принять закон «О защите нравственности в Российской Федерации», в котором в круг субъектов правоотношений, обязанных соблюдать нормы нравственности, автором предлагается включить человека, социальные группы (семья, общественное объединение, религиозная организация и др.), а также должностных лиц, органы государственной власти, органы местного самоуправления и т. д.¹¹

Как представляется, здесь проявляется достаточно типичная абсолютизация роли права, характерная для многих юристов¹²: после выявления проблем в какой-либо области общественных отношений формулируется предложение принять еще один закон для ее нормативного регулирования. Такой подход, сводящийся к постоянному количественному наращиванию законов, на наш взгляд, может завести в тупик любое общество в связи с постоянно возрастающей сложностью и многомерностью его функционирования. Так можно дойти до законов, регулирующих правила приветствия людей, взаимоотношений супругов на кухне и т. д. Типичным примером абсурдности вмешательства в личную жизнь и традиций в этой области может служить принятие резолюции ПАСЕ, осуждающей практику обрезания как варварскую (против резолюции незамедлительно с гневным осуждением выступило Министерство иностранных дел Израиля).

Но в данном случае речь ко всему идет о правовом регулировании в такой области, противоречивость и конфликтность которой изначально делает предложение автора мертворожденным. Дискуссии о том, что является нравственным, а что таковым не является, ведутся уже многие тысячелетия, и оппоненты к единому знаменателю не приблизились и в наш информационный XXI век. Разное понимание нравственности имеют не только представители различных религий, этнических групп, но и представители различных возрастных групп одного и того же сообщества. Более того, одни нравственные ценности могут вызывать конфликты с другими ценностями в рамках одного сообщества. Типичный пример являют собой события во Франции и многих других странах, когда абсолютизация и последовательное внедрение ценности толерантности привела к легализации однополых браков, против которых на улицы вышли сотни тысяч и миллионы демонстрантов, придерживающихся традиционных нравственных принципов.

Для полиэтничной и поликонфессиональной России законодательная ответственность за безнравственное поведение не была реализована даже в советской системе, где эти единые нормы были предписаны моральным кодексом строителей коммунизма. Максимум, который грозил за аморальное поведение, – это вызов на партком и собрание первичной парторганизации и возможность исключения из партии для коммунистов (идентично для комсомольцев) и общественное порицание для членов профсоюза в виде карикатуры в стенгазете.

В отличие от юристов, для политологов значимым является выявление не столько нравственной обусловленности конституционных норм, сколько тех реальных социокультурных и моральных последствий для российского общества, которые вызвали конкретно-историческая процедура принятия действующей Конституции

РФ и особенности реализации конституционных нравственных норм за два десятилетия ее действия. К сожалению, политическая и социально-экономическая реальность современной России (формально определяемая конституционными нормами, весьма обоснованными с нравственно-правовой точки зрения) очень далека не только от совершенства, но и от удовлетворительного состояния.

Понимая сложность причинной обусловленности нравственного кризиса в постсоветской России¹³, в рамках данной статьи остановимся только на некоторых политико-философских аспектах, позволяющих выявить взаимосвязь форс-мажорных условий принятия Конституции РФ, содержания в ней нравственных ориентиров и принципов и причин их слабой мотивационной функциональности для большинства российских граждан и институтов. Данная взаимосвязь позволяет также выйти на проблему восприятия гражданами постсоветских преобразований с точки зрения их соответствия обыденным критериям социального прогресса.

Первый фактор, который сыграл негативную роль и продолжает сказываться до сих пор, это принятие Конституции РФ, в соответствии с которой Россия провозглашена демократическим федеративным правовым государством¹⁴, в рамках процедур, последовавших после грубейшего нарушения конституционных правовых норм в виде силового варианта разрешения конфликта с Верховным Советом и Конституционным судом. Б. Н. Ельцин и его либеральные сторонники наглядно продемонстрировали российским гражданам, что право силы и политической целесообразности выше силы права, выше незыблемости и обязательности конституционных норм, выше концептов теории разделения властей и механизмов «сдержек и противовесов».

Современные либералы не устают повторять, что только экстренные недемократические методы борьбы в тот период могли спасти будущее демократии в России от реставрации авторитаризма или от масштабной гражданской войны. Главным оправдательным аргументом они считают как раз то обстоятельство, что после трагических и кровавых событий 3–4 октября 1993 г. граждане России легитимировали политический режим Ельцина своей поддержкой на референдуме демократической Конституции РФ. Она заложила фундамент нового политического строя, основанного на нравственных принципах гуманизма, демократии и незыблемости признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Действительно, Конституция РФ содержит совокупность многих неоспоримых демократических принципов, но одновременно включила в себя ряд положений, которые стали предпосылкой для последующего усиления авторитарных начал в политической жизни страны. Конституционное закрепление перекоса институционального дизай-

на разделения властей в пользу Президента РФ либеральные сторонники Б. Н. Ельцина объясняли необходимостью создания защитного механизма против возможного повторения антагонистического противостояния сторонников демократии и консервативных антидемократических сил. Таким образом, нравственная максима ценностей демократии была конституционно дополнена и соответственно ослаблена максимой авторитарной конъюнктуры момента и текущими интересами конкретного лидера.

Данный наглядный неуважительный пример избирательного подхода к нравственному содержанию норм права в Конституции РФ не стал единичным и исключительным. Многочисленные примеры нарушений на выборах Президента РФ 1996 г. в пользу Б. Н. Ельцина его либеральные сторонники вновь объясняли политической целесообразностью и опасностью реставрации коммунистического строя. Объединение всех разношерстных лидеров различных демократических организаций и либерально ориентированных российских граждан в качестве сторонников Б. Н. Ельцина позволило поднять его рейтинг и привести к сомнительной победе на выборах, но еще раз продемонстрировало низкий уровень их нравственных принципов. Именно либералы, постоянно твердившие о значимости и функциональности политической конкуренции и состязательности, первыми показали пример, что свобода выбора российскими гражданами стратегии общественного развития вполне может быть подменена оголтелым и всеобъемлющим манипуляционным информационным продавливанием «своего» кандидата. Никто из либералов в тот период не вспоминал о конституционно закрепленном финансовом равенстве кандидатов, а тем более равенстве в доступе к СМИ. Однако впоследствии такое отступление от нравственных конституционных демократических принципов, объясняемое конъюнктурной потребностью текущей ситуации и «политической целесообразностью», обернулось против самих либералов.

Приход к власти В. В. Путина и его стратегия укрепления вертикали власти основывалась не на пустом месте, а на тех правовых предпосылках дисбаланса политического потенциала и возможностей Президента РФ, которые были заложены в Конституции РФ, хотя и были «заточены» в свое время под конкретную форс-мажорную ситуацию и конкретно под Б. Н. Ельцина как лидера демократических сил.

Сама процедура передачи власти первого Президента РФ «своему» преемнику также носила политтехнологический характер и в очередной раз продемонстрировала противоречивое с нравственной точки зрения отношение к ст. 3 Конституции РФ о том, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является многонациональный народ»¹⁵. Реально народ стал объектом для информацион-

ного «очарования» с помощью информационных технологий имиджем молодого, энергичного и здраво рассуждающего преемника о необходимости наведения порядка в стране, стабилизации политического и социально-экономического развития, усилении роли государства во всех сферах общественной жизни. Эта стратегия была искренне поддержана большинством населения и привела к высочайшему (по западным стандартам почти абсолютному) рейтингу нового Президента РФ. Он получил на выборах мандат доверия населения, которым и стал энергично пользоваться (исходя из своего понимания текущей ситуации), но опираясь на тот инструментарий и колоссальные политические ресурсы президентской власти, которые были заложены именно либералами в действующей российской Конституции.

Реализация такой «авторитарной», но достаточно успешной стратегии социально-экономического развития, которая привела к улучшению жизненного уровня и стабилизации общественных отношений¹⁶, окончательно дискредитировала либеральные политические партии. Став в оппозицию президентской стратегии укрепления регулирующей роли государства, они постепенно утратили свой социальный и политический авторитет. Апелляция к либеральным ценностям не вызывала отклика у массы избирателей по разным причинам, но важнейшее значение имел именно нравственный аспект.

Либералы так и не взяли на себя ответственности за те негативные последствия радикальных социально-экономических преобразований, которые в 1990-е гг. проводились под либеральными лозунгами. Их оправдания сводились либо к тому, что оппоненты рыночных реформ¹⁷ не дали довести их до такого логического завершения, чтобы они могли принести полноценную положительную отдачу (Е. Гайдар), либо к тому, что был реализован ошибочный вариант преобразований, не имеющих ничего общего с современным социальным либерализмом (Г. Явлинский). В любом случае либералы не смогли (и не захотели) объяснить народу заложенный ими в 1990-е гг. социальный парадокс: почему борьба за нравственные демократические принципы, воплощенные в Конституции РФ, осуществлялась ими безнравственными способами, противоречащими правовым нормам? Поэтому все сегодняшние критические заклинания радикальной либеральной оппозиции против авторитаризма Путина (по типу постоянного шаманского камлания: «Путин должен уйти!») не вызывают широкой поддержки российских граждан по простейшей причине, обусловленной вопросом «А судьи кто?».

Еще один важнейший фактор, определяющий социокультурный и морально-нравственный кризис современного российского общества, — это отсутствие социально востребованного, осознанно воспринимаемого и поддерживаемого большинством населения идеала общественно-

политического устройства и соответствующего образа будущего в постсоветской России. Данная проблема более всего связана с пониманием большинством российского населения социального прогресса.

Ценности и принципы, заложенные в Конституции РФ, не работают в качестве такого идеала и положительного образа будущего по ряду причин. Важное значение имеет тот факт, что представленные в ней нравственные характеристики лишены единой логики. У них нет системообразующего ядра ни в виде идеологически оформленного проекта, ни в виде четко сформулированной привлекательной национальной идеи. Более того, Конституция РФ однозначно зафиксировала в ст. 13 признание идеологического многообразия и то, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹⁸.

Нравственные ценности, закрепленные в Конституции РФ, разнородны и представляют симбиоз социалистических, консервативных и либеральных ценностей, нередко противоречащих друг другу либо имеющих различные смысловые трактовки. Эти противоречия могли бы быть сняты на уровне привлекательного и объединяющего всех политического мифа в качестве стратегического мотивационного ориентира, но такового также не предлагают ни Конституция РФ, ни российские политические партии (во многом именно в силу своей многочисленности и жесткой конкуренции на одних и тех же идеологических сегментах).

Попытки привнести объединяющую все российское общество идеологию (например, в виде концепции «суверенной демократии») к успеху не привели. Не может снять указанное противоречие и стремления использовать в качестве интегрирующего начала отдельные традиционалистские ценности (например российской самобытности и державности). Обусловлено это во многом тем, что сам по себе миф державности стратегически не может быть работоспособным в качестве ключевой национальной идеи, так как не несет в себе мотивирующей идеи социального прогресса. Для этого он обязательно должен быть подкреплен понятным для всех привлекательным образом будущего, во имя воплощения которого люди согласились бы пережить сегодняшнюю ситуацию как временные трудности.

Мне могут возразить, что по Конституции РФ наша страна заявлена как правовое, социальное и демократическое государство и данные конституционные нормы вполне можно рассматривать как базовые стратегические характеристики образа будущего. Но главная причина их невысокой мотивационной эффективности состоит в том, что российское общество не отвечает в полной мере в реальной политической жизни ни одной из данных характеристик. Это расхождение и представляет собой тот самый определяющий фактор,

более всего негативно влияющий на нравственное состояние современного российского общества. Действует тривиальное жизненное правило: «рыба гниет с головы».

В политической номенклатуре современной России (независимо от идеологических и партийных пристрастий) господствует конъюнктурная мотивация в самых различных своих вариациях, имеющая самое отдаленное отношение к конституционным нравственным нормам. Это может быть «одноклеточный» и совершенно безответственный с позиций социального прогресса, откровенно корыстный интерес использования политики ради личной наживы (или правовой защиты уже приобретенного в лихие 1990-е гг. состояния). Это может быть карьерный интерес реализации вышестоящих указаний по обеспечению нужного процента голосов на выборах любой ценой. Это может быть относительно искренняя мотивация отступления от нравственных конституционных принципов во имя сохранения стабильности и порядка перед лицом угрозы прихода к власти националистов, радикалов и т. п. асоциальных элементов. Объединяет все указанные и иные вариации главное – рядовые российские граждане периодически видят очередную практику использования двойных нравственно-правовых стандартов. Одни предписаны для большинства российских граждан, а другие носят исключительный характер и конъюнктурно применяются теми, кто относит себя к политической элите. Главным и наглядным подтверждением этой дихотомии выступают постоянные коррупционные скандалы на самом высоком уровне и громкие судебные процессы, которые не изменяют ситуацию в лучшую сторону именно в силу своей периодичности и масштабности.

В советское время проявления подобных двойных стандартов объяснялись на официальном уровне как временные издержки и отклонения от генерального курса партии и минимизировались декларируемой высокой мессианской целью и наличием четкого образа построения светлого коммунистического будущего для всего человечества с не менее четкими нравственными характеристиками. Критерии социальной справедливости и нравственные принципы общественно-политического и социально-экономического устройства были сплетены идеологически в единую систему как основу социального прогресса в интересах всего советского народа и мирового сообщества.

Современные конституционные нравственные принципы, несмотря на их гуманизм и демократизм, не срабатывают в качестве мотивационных поведенческих факторов по причине того, что они вступают в логическое противоречие с мотивами поведения, определяемыми ценностями и образом жизни в рыночном обществе, в котором доминирующую мотивационную роль играют стандарты расширенного потребления, наживы и богатства. Это противоречие проявляется и в той

или иной степени осознается в западном обществе¹⁹, которое проделало путь от дикого капитализма к социальному и правовому государству (во многом именно под воздействием нравственных и социальных ориентиров той альтернативной модели, которую реализовывал СССР).

В 1990-е гг. от «светлых» идеалов коммунизма²⁰ в нашей стране был сделан радикальный шаг не к «светлым» демократическим идеалам, а к дикому периоду становления рыночных отношений и грабительской приватизации с соответствующим морально-нравственным климатом, определяемым кредо «*homo homini lupus est*» – «человек человеку волк». Становление демократических институтов, многопартийности, конкурентных выборов, свободы слова, конституционное закрепление прав и свобод личности – все было перечеркнуто упомянутым кредо. Дело не только в том, что российские граждане были отброшены на многие десятилетия назад по уровню жизни (что само по себе нанесло страшный социально-психологический и нравственный ущерб), но и в том, что они лишились веры в социальную справедливость и социальный прогресс в результате демократических преобразований.

Процесс безнравственного и асоциального присвоения бывшей всенародной собственности и внедрения рыночных отношений на несколько лет привел к ситуации выживания большинства российского населения в буквальном смысле этого слова, что не могло не сказаться на его нравственном состоянии. Нравственная деградация проявлялась в самых разных вариантах и разрушала социальные и духовные скрепы российского общества.

Вчерашние партийные и комсомольские лидеры, вещавшие с высоких трибун о верности делу строительства коммунизма, стали идеологами и пропагандистами «невидимой руки рынка», которая все отрегулирует и расставит по своим местам.

Лидеры национальных республик и автономий, клявшиеся делу интернационализма, стали проповедниками идей национализма и сепаратизма.

Президент Российской Федерации, который публично клялся «лечь на рельсы» в случае, если рыночная реформа не приведет к улучшению уровня жизни большинства населения, благополучно выдвинул свою кандидатуру на второй срок и благодаря невиданному информационному давлению либеральных сторонников смог обеспечить себе победу.

Обещания значительно сократить чиновнический аппарат (главный лозунг и аргумент демократов в борьбе с советской административно-командной системой) были мгновенно забыты. В результате постсоветская бюрократия в России многократно превзошла по своим количественным параметрам показатели всего СССР.

Привилегии советской партноменклатуры (против которой также боролись демократы) дав-

но померкли перед возможностями и масштабами официально признаваемой повсеместной коррупции на всех уровнях.

Социальные и нравственные характеристики многих «новых русских» с их криминальным прошлым и соответствующими кровавыми методами борьбы за собственность раскрыть могли не социологи, экономисты и культурологи, а криминалисты и специалисты по психопатологии.

«Свободные» журналисты «демократических» СМИ превратились в продавцов «чернухи» и «жареных фактов», в «телевизионных киллеров», в специалистов информационно-коммуникационного манипулирования общественным мнением.

Выборы, политическая конкуренция, многопартийность, свобода слова, конституционно закрепленные как институты демократии и каналы реализации волеизъявления рядовых граждан в политике, превратились в инструменты борьбы за власть беспринципных демагогов и популистов, в механизмы защиты интересов формирующегося класса собственников.

Эти конкретные проявления нравственной и социальной деградации можно продолжать до бесконечности, так как они не могли ограничиться только правящим классом, но неизбежно перекинулись на все сферы российского общества – от армии, системы образования и здравоохранения до обесценивания нравственной и физической чистоты взаимоотношений полов и дискредитации традиционных семейных ценностей. Рост наркомании, алкоголизма, детской и взрослой преступности, социальной апатии и девиантного поведения стали отражением не преодоленного по сей день социально-экономического и социально-политического кризиса и массовым проявлением нравственного коллапса, охватившего все российское общество.

Есть ли выход из нравственного тупика, без которого невозможно разрешить все остальные проблемы нашего общества – от модернизации политической системы и до реиндустриализации и обеспечения национальной безопасности страны? Вариантов прогнозов будущего России существует множество – от самых пессимистичных до радужно оптимистичных.

Проведенный анализ взаимозависимости конституционных норм и реальной политической практики позволяет констатировать, что в современной России отсутствует единство сущности, формы и конкретного содержания нравственных конституционных принципов на уровне их реального правоприменения. В оценке формальной сущности и содержания норм российской Конституции можно солидаризироваться с распространенным среди юристов мнением о том, что они представляют собой сочетание не только правовой, но и моральной максимы. Однако конкретную правоприменительную практику в сфере политических отношений можно оценить в значительном количе-

стве случаев как не соответствующую нравственным конституционным основам.

С одной стороны, Конституция РФ удерживает политическую жизнь в определенных правовых рамках, обязывает ведущих субъектов политики руководствоваться определенными правилами игры во взаимоотношениях друг с другом, государством и обществом. С другой стороны, эти правила игры соблюдаются, прежде всего, с точки зрения их формального соответствия нормам Конституции и законодательства Российской Федерации и гораздо меньше ориентированы на нравственную максиму. Ее недостаточная эффективность в качестве мотивационной преобразующей, интегрирующей и деятельностной силы для большинства российских граждан обусловлена, прежде всего, отсутствием четкого положительного образа будущего с соответствующими нравственными характеристиками, в которых были бы выражены сущность и стратегические цели демократического развития страны.

Кроме того, ключевую роль играют отступления от нравственной максимы Конституции РФ, которые проявляются не только в использовании пресловутого административного ресурса на выборах, в случаях судебной практики на основе «телефонного права», в технологиях информационно-коммуникационного манипулирования общественным мнением, но и в повседневной управленческой практике, в процессе принятия больших и малых политических и социально-экономических решений. Обосновываются они различными аргументами о стратегической и тактической целесообразности внутреннего и внешнего свойства, но наносят непоправимый ущерб нравственному состоянию всего российского общества, лишают его веры в сущность демократии, в силу и преобразовательно-регулятивную значимость и функциональность правовых норм Конституции РФ.

Приведение в соответствие декларируемой сущности и реального использования в политической практике конституционных норм в их нравственном контексте вряд ли может быть решено простой сменой политического лидера (как это предлагает радикальная оппозиция). Она может стать лишь результатом консолидированных усилий всего российского сообщества на всех уровнях. Но предварительным и обязательным условием видится нахождение компромисса между всеми политическими силами современной России на почве осознания ключевой опасности и неизбежности катастрофических последствий продолжения нравственной стагнации российского общества.

Надежды на его нравственное выздоровление заложены определенными тенденциями в деятельности власти в последние годы, но меры по искоренению коррупции и иных правовых злоупотреблений, меры по либерализации партийной и избирательной систем, как представляется, могли бы быть более решительными и убедительными для

российских граждан, чтобы они с очевидностью могли убедиться, что нравственное очищение начинается «с головы». Если этого не произойдет в ближайшее время, то в России в очередной раз может быть реализован либо один из вариантов революционного социального и «нравственного» обновления с непредсказуемыми последствиями, либо один из вариантов стагнации и медленного угасания, либо варианты распада страны и утраты суверенитета. Очень хочется быть оптимистом и надеяться на здравый смысл нашего правящего класса, по крайней мере той его патриотической части, которая связывает свое будущее с интересами России.

Примечания

- 1 См.: Конституция Российской Федерации и развитие современной государственности (к 15-летию Конституции Российской Федерации) : сб. тезисов докладов (по материалам Междунар. науч.-практ. конф., г. Саратов, 3–4 октября 2009 г.) / редкол. : О. С. Ростова (отв. ред.) и др. Саратов, 2009 ; Конституция и избирательное право : настоящее и будущее : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., г. Самара, 6 марта 2009 г. / под ред. проф. В. В. Полянского. Самара, 2009 ; *Хабриева Т. Я.* Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал российского права. 2008. № 12 ; *Эбзеев Б. С.* Конституция Российской Федерации : прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7 ; и др.
- 2 В дореволюционной России данной теме уделяли внимание многие видные отечественные правоведы (См., например: *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд. ; в 2 т. СПб., 1910. Т. 1 ; *Новгородцев П. И.* Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 103–113).
- 3 *Ситников А. В.* Право, нравственность и религия в современном обществе // Нравственные императивы в праве. 2010. № 3. С. 17.
- 4 См., например: *Вестов Ф. А., Тарасов И. П., Фаст О. Ф.* Соотношение морали и права в правовом государстве и их реализация в принципах права. Саратов, 2012.
- 5 *Батурин Ю. М.* Конституционные этюды. М., 2008. С. 17–18.
- 6 *Ланаева В. В.* Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 108.
- 7 Там же.
- 8 *Магадов Ш. Р.* Нравственность как конституционная ценность в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.
- 9 Например, один из исследователей данной проблематики, рассматривая принципы системы законодательства, для методологической чистоты анализа оставляет в стороне вопрос, «насколько эти принципы и цели реализуются на самом деле, а не просто декларируются» (*Тарасов И. П.* Нравственные начала правового государства. Саратов, 2011. С. 16).
- 10 *Магадов Ш. Р.* Указ. соч. С. 10.

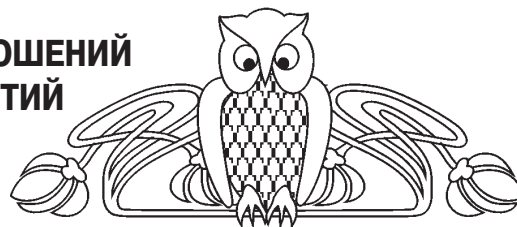
- ¹¹ Там же.
- ¹² Данный подход в рамках кандидатских диссертаций достаточно типичен. Такое убеждение сформировалось у меня на основе двухлетнего опыта в качестве члена диссертационного совета по юридическим наукам.
- ¹³ Особенно значимым фактором является система образования. Попытки концептуально синтезировать конституционные нравственные принципы и образовательные были предприняты в период подготовки государственных стандартов общего образования второго поколения (См.: Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков О. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М., 2009.)
- ¹⁴ См.: Конституция Российской Федерации. М., 2009. С. 4.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Этому способствовала благоприятная мировая экономическая конъюнктура, связанная с резким повышением цен на энергоносители.
- ¹⁷ Иногда встречается самый радикальный и безнравственный вариант оправданий: стратегия постсоветских преобразований была верной, но народ либеральным реформаторам достался «неправильный» и не реформируемый, с извращенным архаичным менталитетом.
- ¹⁸ Конституция Российской Федерации. С. 8.
- ¹⁹ Многие теоретики обоснования новых моделей глобального развития опираются на критику негативных последствий безудержного развития западного потребительского индивидуалистического общества (См., например: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000).
- ²⁰ Вопрос о степени их утопичности или реалистичности – это тема отдельного всестороннего объективного исследования, лишённого крайностей либеральных разоблачений советской «тоталитарной системы» и ностальгической идеализации коммунистического прошлого.

УДК 32.01

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: ПОЗИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

М. В. Данилов, О. Н. Куренкова

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru, olga-git64@mail.ru

Статья посвящена проблеме политизации трудовых отношений в современной России. На материале программ политических партий анализируются позиции основных политических субъектов относительно законодательства о труде. В работе сделан вывод о нарастающей политизации социальных проблем в России, в частности вопросов труда и занятости.

Ключевые слова: законодательство о труде, Трудовой кодекс, политические партии, партийные программы, политизация социальных проблем.

Political Aspects of Labor Relations in Russia: Political Parties Positions

M. V. Danilov, O. N. Kurenkova

The article deals with the problem of politicization of labor relations in modern Russia. On the material of the programs of political parties analyzed the position of the main political actors regarding labor legislation. The paper concluded that the increasing politicization of the social problems in Russia, in particular the issues of labor and employment.

Key words: labor legislation, labour code, political parties, party program, politicization of social issues.

Политическая жизнь состоит из массы явлений, которые приобретают политическую актуальность благодаря их повышенной общественной значимости. Как правило, данные явления по природе своей носят совсем неполитический характер, относясь к самым различным сферам социальных отношений: экономике, культуре,

религии, праву, быту и т. д. Неполитические проблемы становятся политическими в результате усилий разных акторов, таких как государство, партии, отдельные лидеры, средства массовой информации, влиятельные структуры гражданского общества. Именно они занимаются политизацией неполитического, наполняя партийные программы и выступления президентов, депутатов, министров тем содержанием, которое позволяет им оставаться адекватными общественным запросам.

Исследование процессов политизации общественных отношений предполагает понимание того, что некоторые традиционные политические институты и выполняемые ими функции могут анализироваться в новых ракурсах. К числу таких, безусловно, относятся политические партии. Положение партий в политическом пространстве общества, их роль в представительстве интересов социальных групп, влияние на государственную власть, идеологическое наполнение политической жизни, политическая мобилизация и социализация людей, участие в избирательном процессе приобретают новый смысл в рамках тематики политизации. По сути, это означает новый взгляд на партийную функциональность. Традиционные, классические функции политических партий в современных условиях могут быть трансформированы в рамках концепта «политизация» в деятельность по включению в состав политического